

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ»

В серию входят книги
по современному богословию
(основное, литургическое,
нравственное богословие
и другие его разделы), принадлежащие
перу выдающихся современных
авторов основных христианских
конфессий

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ»

РЕЛИГИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ

Алексей Бодров и
Михаил Толстолуженко, ред.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ББК 20.1
УДК 215
Р 368

Религия и национализм / Алексей Бодров и Михаил Толстолуженко, ред. (Серия «Современное богословие»). — М.: Издательство ББИ, 2021. — viii + 221 с.

ISBN 978-5-89647-399-2

Обсуждаемые в книге темы тесно связаны с вопросами идентичности. Идентичность как выражение уникальности и инаковости может и должна играть позитивную роль в любых отношениях и взаимодействиях. Но инаковость часто вызывает страх и отторжение, неправильно понятая уникальность порождает боязнь утраты собственной идентичности, национальная идентичность превращается в национализм, с которым нередко отождествляют религию, и тогда вместо того, чтобы примирять и объединять, вера становится фактором разделения и страха. Слияние религии и национализма создает гремучую смесь и может привести к опасным конфликтам. Обсуждение этой острой проблемы и стало толчком к созданию настоящего сборника. В книгу включены тексты известных богословов и историков.

Верстка: Татьяна Дурнова

Обложка: Антон Бизяев

В оформлении обложки использован фрагмент картины Джорджо де Кирико из цикла «Итальянские площади» (1913), Музей современного искусства (Нью-Йорк).

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2021
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316,
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	vii
<i>Иоанн Зизиулас</i> ПЕРВЕНСТВО И НАЦИОНАЛИЗМ.....	1
<i>Каллист Уэр</i> «Ни иудея, ни элина»: ВСЕЛЕНСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ	10
<i>Пантелис Калайцидис</i> ИСКУШЕНИЕ ИУДЫ: ЦЕРКОВЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	22
<i>Эдди Ван дер Борст</i> НАЦИОНАЛИЗМ КАК ВЫЗОВ БОГОСЛОВИЮ	42
<i>Давор Джалто</i> РЕЛИГИЯ, НАЦИЯ, ГОСУДАРСТВО: ОТ БАЛКАНСКОЙ ФАНТАЗИИ ДО ФАНТАЗИИ О («ПРОСВЕЩЕННОМ») ЗАПАДЕ. И В БОЛЕЕ ШИРОКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	53
<i>Павло Смыцнюк</i> ПРАВОСЛАВНОЕ АНТИЗАПАДНИЧЕСТВО НА СЛУЖБЕ НАЦИОНАЛИЗМА: ИДЕИ ХРИСТОСА ЯННАРАСА И РОССИЯ	69
<i>Елена Степанова</i> ХРИСТИАНСТВО И НАЦИОНАЛИЗМ: ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ СОЮЗ.....	90
<i>Якоб Ом</i> НЕСТИ МИР В СЕРДЦЕ: БОГОСЛОВСКИЕ ПОДХОДЫ К ЦЕРКВИ, КОТОРАЯ СТАНОВИТСЯ ДОМОМ	108

Иннокентий Павлов

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ХРИСТИАНСТВЕ.

К ПРОБЛЕМЕ ГЕГЕМОНИЗМА..... 123

Светлана Мартынова

СООТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО И РЕЛИГИОЗНОГО В РУССКОЙ

КУЛЬТУРЕ В ПОНИМАНИИ ПРОТ. АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА 129

Виктор Шнирельман

«КАТЕХОН»: ОТ РЕЛИГИИ К НАЦИОНАЛИЗМУ И КОНСПИРОЛОГИИ

В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 135

Роллин Армур

СИОНИЗМ И ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ 158

Бернард Луис

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСЛАМА..... 190

ОБ АВТОРАХ И РЕДАКТОРАХ 220

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обсуждаемые в сборнике темы тесно связаны с вопросами идентичности. Каждый человек, каждая социальная группа уникальны. Любые серьезные отношения между людьми или социальными группами основаны на признании инаковости другого, ведь «друг» – это прежде всего «другой». Идентичность как выражение уникальности и инаковости может и должна играть позитивную роль в любых отношениях и взаимодействиях. Это, безусловно, относится и к национальности. Когда мы говорим о таком понимании идентичности и инаковости, немедленно возникают образы единства в многообразии и плодотворного сотрудничества.

К сожалению, в реальности мы далеко не всегда наблюдаем такую благостную картину. Инаковость часто вызывает страх и отторжение, неправильно понятая уникальность порождает боязнь утраты собственной идентичности, национальная идентичность превращается в национализм. В наших реалиях это нередко оборачивается борьбой за защиту пресловутых «традиционных ценностей» – иногда вполне искренней, обусловленной непониманием природы социальных отношений или усвоенной с ранних лет бытовой ксенофобией, но чаще – преследующей политические или идеологические цели, когда специально создается образ врага и подпитываются вызываемые им страхи. Здесь уже трудно говорить о единстве в многообразии и о плодотворном сотрудничестве, можно в лучшем случае надеяться на диалог во избежание эскалации взаимонепонимания, недоверия и насилия.

Национализм, понимаемый как стремление нации к самоопределению в политической, экономической, культурной и прочих сфе-

рах, не исключая и религиозную, есть по преимуществу создание эпохи модерна. С началом формирования в Европе национальных государств религия нередко стала рассматриваться как тот центр, вокруг которого должна строиться нация. Однако для такой религии, как христианство, которое шире любых национальных границ, идентификация с национальностью порождает серьезные проблемы. Религия и религиозная идентичность нередко становятся заложниками национальной идентичности и обслуживают связанные с ней политические или идеологические интересы. Религию начинают отождествлять с национальной культурой и теми же «традиционными ценностями». Вместо того чтобы примирять и объединять, она становится фактором разделения и страха. Так, возникновение «национальных» православных церквей и фактическое вытеснение понятия «местной церкви» идеей «национальной церкви» существенно трансформировало православную экклезиологию, ведя порою к таким неприемлемым тенденциям, как филетизм, осужденный в 1872 г. Синодом в Константинополе (это осуждение было подтверждено в 2016 г. Всеправославным собором на Крите). Кроме того, национализм нередко связан с насилием, поэтому отождествление религии с национальным или этническим несет в себе немалую опасность, особенно сегодня, когда можно наблюдать рост национализма в различных частях мира и попытки использовать религию как один из элементов «национальной идентичности». Слияние религии и национализма создает гремучую смесь, и мы много раз видели и продолжаем видеть, к каким опасным конфликтам это слияние может приводить.

Толчком к созданию настоящего сборника послужила одноименная международная конференция, проведенная ББИ в декабре 2018 г. В сборник вошли некоторые из прозвучавших на конференции докладов, переработанные и дополненные авторами после активных дискуссий в ходе конференции. Кроме того, в книгу включены тексты известных современных богословов и историков, посвященные проблеме соотношения религии и национализма. Разумеется, большая часть статей касается христианства, прежде всего православия, однако в сборнике присутствуют также статьи, посвященные проблеме национализма в иудаизме и исламе.

Алексей Бодров, Михаил Толстолуженко
Москва, 1 июля 2020 г.

ПЕРВЕНСТВО И НАЦИОНАЛИЗМ*

Моя тема – πρωτείο (первенство*) в контексте более широкой темы конференции «Экклезиология и национализм». Основные вопросы: необходимо ли первенство и как оно может осуществляться в Православной церкви при наличии национализма? Как влияет на значение и служение предстоятеля Православной церкви проблематика «экклезиология и национализм»?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, нам следует прежде всего вкратце описать те богословские (экклезиологические) начала, на которых основано развитие иерархии в Православной церкви. Историк-небогослов обычно довольствуется тем, что сводит роль предстоятеля к роли, среди прочего, общественных и исторических факторов (политической конъюнктуры, влиянию на исторических деятелей, стремлению к власти и т.д.). И, разумеется, нет сомнений в том, что эти факторы играли и продолжают играть важную роль в служении предстоятеля и в жизни церкви. Уже в древности первенство связывалось с политическим весом

* Доклад на международной конференции «Экклезиология и национализм в эпоху постмодернизма», организованной Волосской академией богословских исследований совместно с ББИ и другими православными центрами 24-27 мая 2012 г., г. Волос (Греция). Рус. пер.: *Страницы*, 17:3 (2013), с. 328-335.

* Данное слово имеет несколько значений. Первенство (*primacy*) в общих чертах означает главенство предстоятеля поместной церкви над остальными предстоятелями. – *Здесь и далее под знаком * даются примечания переводчика.*

кафедры (Рим, Константинополь и т.д.), и церковное первенство не замедлило развиваться во властную структуру со значительными последствиями как для отношений между церквами, так и внутри церкви. При этом, главным образом на Западе, и богословский фактор не обошел стороной понятие церковного первенства. Рим очень рано стал приписывать примат папы воле Христа и идее преемства от апостола Петра, тогда как Восточные церкви столь же рано не довольствовались политической значимостью кафедры и связывали ее с апостолическостью церкви, благодаря чему церковь смогла выносить авторитетные решения в вопросах веры. Как понятие пентархии, так и порядок патриархов в Византии сформировались со ссылкой на богословские основания. Таким образом, каноничность (обращение к святым канонам) стала темой экклесиологии и не сводилась к практическим нуждам и урегулированиям, которые могли бы претерпевать изменения. Понятие первенства и соответствующий порядок сложились вовсе не в силу исторических обстоятельств, а экклесиологически. Поэтому, когда какая-то церковь теряла свое политическое значение, она тем не менее оставалась на том месте, которое было установлено для нее священными канонами.

Но как можно оправдать первенство, исходя из самой природы церкви, чтобы она открылась нам, например, в реализации церкви в истории, другими словами, в божественной литургии? Может ли понятие первенства быть включено в евхаристическое измерение экклесиологии как принадлежащее православному богословию? Блаженной памяти о. Николай Афанасьев, который был проводником так называемой евхаристической экклесиологии в нашу эпоху, не мог не соотнести такое кажущееся юридическим понятие, как первенство, с божественной евхаристией. Для него любая идея власти и иерархии была по определению несовместима с евхаристией. Однако и те, кто не приемлет евхаристической экклесиологии, затрудняются связывать понятие первенства с той же самой природой церкви: они избегают говорить о первенстве *jure divino**.

Если рассмотреть внимательней и глубже природу и структуру евхаристии, мы обнаружим, что первенство составляет ее существенный элемент. Конечно, коль скоро евхаристия развилась при возможности для ее совершения одним только священником,

* По божественному установлению (*лат.*).

связь предстоятеля с ней перестала быть заметной. Изначально, да и на протяжении длительного периода времени, евхаристия была собранием народа определенной местности, с четкой иерархической структурой, возглавляемой епископом, которого окружали священники. Именно из-за первенствующей позиции в евхаристии епископ приобрел каноническое право представлять свою церковь на церковных соборах. Поместная церковь без предстоятеля в богословском смысле была немыслима. Первенство стало составной частью самой евхаристии, и этим достигалась каноничность церкви.

Идея, что церковь невозможна без первенства, была распространена и на уровне периферийных структур церкви, когда она впервые возникла и оформилась с институтом митрополий и патриархий. Вероятно, в тесной связи с институтом соборов около IV века возник примат митрополита по отношению к другим епископам его области, которые, согласно 34-му «Правилу святых апостолов» (текст IV века, утвержденный впоследствии Вселенскими соборами), должны признавать его «главным» и ничего не предпринимать без него, равно как и он без них. Таким образом, первенство предстоятеля стало неотъемлемым элементом соборной структуры, а собор – непременно в рамках его функционирования. Первенство не может существовать в православной экклезиологии без соборности, но также и собор невозможен без предстоятеля.

Первенство с теми же предпосылками распространилось в структуре патриархий и автокефальных церквей и в том же виде (в смысле его связи с соборностью) было перенесено на вселенский, то есть всемирный уровень, в основном в лице Вселенских соборов (эта тема касается богословского диалога между католиками и православными).

Из связи с евхаристией и соборностью проистекает то, что фундаментальной функцией первенства является преодоление всех разделений в теле церкви. Это – главное, «экзистенциальное» назначение предстоятеля, или главы, как обычно именовался предстоятель на языке священных канонов. Сама терминология в данном случае заимствована из христологии: как Христос есть глава тела церкви, внутри «которой преодолеваются все разделения» (нет ни мужа, ни жены, обрезанного и необрезанного, эллина или иудея, варвара, раба, свободного и т.д. (Гал 3:11)), так и в лице епископа

соединяются и преодолеваются все естественные, общественные и прочие разногласия, которые царят в повседневной жизни.

То, что понятие епископа как главы, то есть предстоятеля поместной церкви имеет смысл преодоления естественных и социальных разделений, проявляется в жестком предписании священных канонов: в каждом городе (поместной церкви) не должно быть более одного епископа (8-е правило I Вселенского собора). Интересно отметить, что в древней церкви не было понятия «нации» в современном значении этого слова, а были культурные и языковые общины в рамках одного города (например, в Антиохии – грекоязычные и сирийцы); но нигде не имелось в виду, чтобы церковь вводила двух епископов в одном и том же городе под тем предлогом, что этого требуют нужды общины. Имеются исторические свидетельства о том, что, возможно, существовали церковные приходы для обслуживания особых нужд паствы, но не епископы. Епископ как предстоятель и как «глава» должен был, следуя Христу, объединять всех в единое тело независимо от пола, национальности, общественного положения и т.д., каждого из членов общины.

Этот принцип распространился и на уровень более широких географических областей (митрополии, патриархии, а также на вселенский уровень) и заложил основу для развития в православной экклезиологии канонического принципа территориальности: церковь состоит из уровней географических, а не политических, поэтому епископы обязательно имеют в своем имени и географическое название. Это восходит еще к первым векам, к Новому Завету, в котором церковь определяется географически («церковь в Коринфе» и т.д.), и практически на всех Вселенских соборах епископы подписываются своими географическими титулами.

Принцип территориальности не является проблемой канонического порядка, он связывается с преодолением в лице епископа любых естественных различий, которые могут существовать в каком-либо месте. Если в поместной церкви не существует должности предстоятеля, или главы, то перед нами серьезное церковное нарушение, которое касается самой природы церкви как Тела Христа.

Все это действует и на более широких географических уровнях, составляя базу митрополичьих, патриарших и автокефальных церквей: каждая из них имеет точно определенные географические границы, которые не позволено нарушать. Следовательно,

когда в 1872 году поместный собор в Константинополе осудил этнофилетизм как ересь, а не просто как каноническое нарушение, проблемы «административной» (в большей степени – политической) природы не предвиделось. Принцип территориальности касается самой природы церкви и коренится в христологии, согласно которой, Тело Христово – это «ни иудей, ни эллин и т.д.» (мы могли бы сказать в данном случае «ни болгарин, ни грек»).

Все это настолько серьезно, что определение «ересь» может быть оправдано лишь в том случае, если описанное явление находится в основании экклезиологии, которую мы анализировали чуть выше и которая, согласно христологической и евхаристической природе церкви, обязывает к принципу территориальности в сочетании с наличием одного «предстоятеля» в каждом месте. Сам принцип описывает эсхатологическую природу церкви, так как только в конце времен, в Царстве Божьем произойдет преодоление разделений, которые создает история.

Церковь по своей природе есть образ высшего, и каждое изменение ее образа ведет к ереси, с серьезнейшими экзистенциальными последствиями для жизни людей. Церковь как образ высшего не может, ей непозволительно, исходя из самой ее природы, свободно создавать исторические конструкции и разделять своих членов на основе этих конструкций.

Кажется, национализм не беспокоил древнюю церковь в той форме, которую он приобрел в новейшей истории. Во всяком случае, с богословской точки зрения, он полностью укладывается в то, что мы говорили выше об эсхатологическом преодолении естественных и социальных разделений внутри тела евхаристии и церкви. Если в церкви нет «ни мужа, ни жены» – отличия, где содержится одна и та же природа по желанию ее Творца, – то насколько же необходимым, пожалуй, является преодоление национальных специфик, которые суть человеческие измышления, кроме высказываемого периодически мнения, что национальность является волей Божьей. Такая вещь как будто существует, и когда мы говорим о преодолении различий любого вида (естественных, общественных, политических) внутри церкви, мы имеем в виду не уничтожение этих различий, а снятие их разделяющего характера. Это «ни» должно быть интерпретировано в духе отличия, которое делает св. Максим между различием и разделением: различие, пишет он, благо и происходит от Бога, разделение же нет. Когда мы говорим

о преодолении разделений, мы не подразумеваем уничтожение различий, но, напротив, принимаем их.

В этом положении выявляется экклезиологическое значение предстоятеля, как мы его описали выше. Внутри тела церкви могут и должны сосуществовать многие национальности, так же как могут существовать различия по возрасту, полу, социальному слою и т.д. Но если каждая из этих различных национальностей претендует на то, чтобы иметь собственное «предстоятеля», разница превращается в разделение. Предстоятельство, таким образом, является не разновидностью власти (кроме тех случаев, когда это происходит по ошибке), а неременным и, я бы сказал, единственным орудием (служением, на церковном языке) для избежания разделений. То, что оно может быть применено по ошибке как средство притеснения, не может быть основанием для его упразднения, потому что нет иного способа объединить церковь в одно тело. Протестантизм упразднил предстоятельство, и с тех пор сражается безуспешно за сохранение уровня церкви при помощи либо публичного исповедания веры, либо нравственных принципов и пр. Православие предпочло сохранить значение предстоятельства равно на символично-литургическом и на каноническом уровне как защитную меру во избежание злоупотреблений в соборной системе.

Если мы видим предстоятельство как необходимую должность для преодоления разделения, при сохранении почтения к различиям в теле церкви, мы осознаем, почему национализм может привести к отклонениям и к ереси не простым соглашением и сосуществованием различных национальностей, но требованием и отстаиванием должности предстоятеля на основе национальности. Одно такое отклонение живет сегодня в Православной церкви в так называемой «диаспоре». Православная церковь на протяжении веков преданно поддерживала принцип территориальности, точно определяя географические пределы каждой автокефальной церкви учреждающим ее Томосом (очевидно, термин «Томос» фактически и означает территориальность: с учреждением автокефальной церкви «τέμνετα»^{*} – выделяется кусок территории в единой материнской церкви). Таким образом, внутри «территории» одной такой церкви не подразумеваются «предстоятели»-епископы

* Резать, делить (*греч.*).

на основе национальной идентичности: все национальности, проживающие в этой местности, относятся автоматически к предстоятелю этого места. Таким образом, сохраняется принцип «ни эллина, ни иудея и т.д.» в церкви. Однако в нашу эпоху (в основном в XX веке) впервые (изначально со стороны Русской церкви) были оспорены географические границы Константинопольского патриархата в соответствии с 28-м правилом IV Вселенского собора, которое интерпретируется русскими исследователями уже с XIX века таким образом, что землю так называемой «диаспоры» с канонической точки зрения следует считать *no man's land*^{*}, и на этом основании следует отменить на практике принцип территориальности и попустить наличие многих предстоятелей-епископов в одной и той же географической области.

Непосредственную связь этой темы с национализмом доказывает тот факт, что назначение многих епископов в «диаспору» не легло в основу автокефалии. Ни одна грекоязычная автокефальная православная церковь не назначила своего епископа в «диаспору», признавая таким образом, что по канонам эта территория принадлежит Вселенскому патриархату (28-е правило Халкидонского собора). Что до прочих православных церквей, очевидно, так называемых, то политические и культурные (язык, обычай и т.д.) критерии проявились в назначении их собственных епископов.

Таким образом, проблему «диаспоры» следует рассматривать исторически как последствие проникновения национализма в православие, и не будет преувеличением характеризовать его как церковное отклонение и ересь внутри православия. То, что положение становится терпимым и единство среди православных церквей не прерывается из-за национализма, обязательно должно присутствовать в практике домостроительства с надеждой и ожиданием, что будет найдено решение, которое приведет к восстановлению канонически нормального положения с одним епископом для одной местности. В этом направлении уже сотрудничают все автокефальные православные церкви под руководством Вселенского патриархата, и в качестве первого шага они решили учредить епископские собрания в областях «диаспоры» – до тех пор, пока не будет развито сознание территориальности и основывающееся на местности единство православных, независимо от их националь-

^{*} Ничья земля (англ.).

ной принадлежности. К счастью, такие собрания уже функционируют, несмотря на то, что национализм в определенных, по крайней мере, православных церквах «держится крепко» и, возможно, иногда даже усугубляется в связи с большим потоком беженцев в западные страны. Нам хотелось бы, чтобы Бог, который направляет историю, привел в конце концов православие, проходящее сейчас испытание национализмом, к восстановлению церковной каноничности.

Последнее наше положение подводит к вопросу о том, как мог национализм выжить в эпоху постмодернизма и мог ли, а также каково может быть значение предстоятеля и экклезиологии, которую мы представляем здесь в новом положении вещей. Постмодерн характеризуется тенденцией подвергать сомнению все, прежде всего свое орудие – технологию, так что обязательно будут возникать угрозы традиционного порядка, такие как национальные. Это может происходить либо в форме интернационализма, который способен увлечь за собой структуру автокефальности православных церквей, либо в форме национализма, противостоящего угрозе нивелирования культурной идентичности, без которой человек не может творить, так как это в его природе – быть связанным с конкретным местом и временем.

Коль скоро будущее есть, церковь обязана придерживаться своей эсхатологической природы и не искажаться, не уступая национализму, не предавая самоё себя в нивелировании разных и отличающихся друг от друга культур. Церковь, как образ высшего, должна быть местом, в котором разница не демонизируется, кроме тех случаев, когда появляется разделение. Это должно в первую очередь сказаться на структуре церкви, в назначении предстоятеля в ней, что является нашей темой.

Таким образом, в случае, если историческая действительность повлечет ослабление национальных границ, что приведет к мультикультурности, церковь обязана будет держаться принципа территориальности в сочетании с должностью предстоятеля, в лице которого культурные различия будут преодолены и не приведут к разделению (мы постоянно говорим о внутренней жизни православной церкви, а не о ее взаимоотношениях с другими религиями и христианскими исповеданиями, так как это не является задачей предстоятельства). Это значит, что православная церковь должна отдалиться от сегодняшней модели «диаспоры» и выстроить свою

каноническую структуру – сама мультикультурность понуждает к этому.

Если снова поднимет голову национализм, то необходимость в предстоятельстве станет еще более ощутимой. Если православие не хочет служить националистическим тенденциям, оно должно иметь потребность в более высоком уровне, чтобы преодолеть сосредоточенность на самом себе и обратить свой голос к противостоянию общечеловеческим проблемам. Это повысит нужду в соборах и, в соответствии с расширением, в предстоятельстве, которое является неотъемлемой частью церкви.

Церковь находится в мире, но она не от мира. История по природе своей склонна к изменениям, которые церковь не может контролировать. Всегда, когда церковь пыталась блокировать ход истории, она либо секуляризировалась, либо маргинализировалась. Церкви удавалось устоять в водовороте исторических изменений, когда она твердо держалась своих взглядов на высшее, своих воззрений на Господа Бога, которые отражались не только в ее проповеди, но и в ее структуре. К сожалению, принимая национализм и служа ему, церковь рискует потерять свои эсхатологические воззрения и пострадать от последствий: или от раскола в самой церкви, в случае если история способствует национализму, или маргинализации, вследствие такого хода истории, который приведет вещи к противоположному состоянию. Всякий раз, когда схемы, такие как автокефальность и предстоятельство, служат национализму, возрастает и угроза выживанию церкви. Эти схемы должны отключиться от национализма, чтобы приобрести чисто церковный характер, который был в древней церкви (см. Пентархия, Кипр и т.д.). В той мере, в какой они порождают национализм или служат его целям, в такой мере их судьба будет поставлена в зависимость от судьбы национализма.

Чем более верной церковь остается своим эсхатологическим воззрениям, тем больше она имеет возможностей выжить в ходе истории.

Перевод с греческого Юлии Бузыкиной